

— Вы со стороны себя видели? — Цзян Лэй посмотрел на них с возмущением. — Мы здесь, вообще-то, о важном деле говорим.

Из-за письма Коу Чэня Хо Жань лежал рядом с кроватью и смеялся добрые пять минут. Когда он успокоился, ему стало немного грустно.

Хоть письмо и вышло очень коротким, а формулировки были детскими, как у ученика начальной школы, он был уверен, что Коу Чэнь писал с искренностью. В письме чувствовалось, что Коу Чэнь любит своего папу, как и Коу-Лао-эр своего сына. Но, как сказал Коу Чэнь, они разной породы и не могут достигнуть взаимопонимания. Иными словами, Коу Чэнь может попытаться понять отца, но Коу-Лао-эру трудно понять Коу Чэня из-за упрямства и установки «Я твой отец».

Хо Жань считал, что в этом аспекте его родители гораздо более открытые. Хотя их открытость образовалась вследствие трагедии прошлого, но они много работали, чтобы вырастить его, не предъявляя заоблачных требований, в среде настолько свободной, что многие бы позавидовали. Со стороны кажущееся отношение «Нам всё равно, пусть делает, как хочет» на деле культивировалось огромными жертвами, принесёнными его матерью и отцом.

«Я вырос и понемногу могу понять ваши переживания, которые вы прячете за вашей щедрой открытостью. Для меня это тоже своего рода давление. По правде говоря, я могу вынести гораздо больше, чем вы думаете. Надеюсь, вы сможете немного расслабиться и побыть счастливыми». Таков был основной посыл его письма. В этом плане его письмо и письмо Коу Чэня отличались как небо и земля.

— Сук, да ты у нас без забот* вырос? — Коу Чэнь стоял под деревом, в ста метрах от учебного корпуса их класса, наблюдая, как один за другим прибывают родители.

*□□ — букв. банка мёда

— А что? — спросил Хо Жань.

— Твои родители не получают возмущений и претензий. Мой папа определённо хотел бы себе такого хорошего сына.

— Он тоже заботится о тебе, и ты сам это понимаешь. Просто его способы это выразить не совсем приглядные. Таких родителей очень много.

— Таких учителей, как Лао-Юань, очень мало.

— Ты пойдёшь слушать собрание?

— Не пойду, лучше в столовке посижу, — сказал Коу Чэнь, а затем, подумав, добавил: — Ну чуть-чуть послушаю и уйду.

Отец Сюй Чжифаня не пришёл на родительское собрание, потому что был в полицейском участке. Ребята планировали пойти в столовую, чтобы поболтать, когда начнётся собрание, чтобы прогнать грусть Сюй Чжифаня. Они не были уверены, подала ли семья тёти Ху заявление о преступлении. В прошлом месяце отец Сюй Чжифаня уже обращался в полицию, но никаких подвижек не было. Теперь, когда тётя Ху пришла в сознание, он снова пошёл туда с надеждой что-нибудь разузнать.

— Блин, папа здесь. — Коу Чэнь быстро спрятался за деревом.

— А чё прячешься? — Хо Жань взглянул на него. — Он же уже увидел твои оценки и высмеял тебя.

— Не знаю, — Коу Чэнь прижался к дереву, — просто захотел спрятаться, как только увидел его.

— Боишься, что он отмутузит тебя? Или отругает? — Хо Жань наблюдал, как Коу-Лао-эр, словно мафиози с визитом инкогнито, вошёл в корпус, разговаривая с чьим-то родителем.

— Он не стал бы мутузить и ругать меня на улице.

— Так хер ли прячешься? Он уже вошёл в здание.

— Не знаю я, почему прячусь. — Коу Чэнь высунул голову из-за дерева, чтобы проверить, а затем добавил: — Просто захотел спрятаться. По-моему, большинству людей нашего возраста, особенно мальчишкам, неловко находиться с родителями, поэтому лучше избегать встреч, насколько это возможно.

Хо Жань улыбнулся краешком рта:

— Я не вхожу в это большинство.

— Этим мы дополняем друг друга.

Хо Жань начал размышлять, но так и не понял, в чём заключается это взаимодополнение.

Родители собрались в полном составе, Лао-Юань и У Сяочэнь с коробкой в руках тоже вошли в корпус. Сюй Чжифань, Сюй Чуань и остальные вышли из учительского корпуса и помахали Хо Жаню и Коу Чэню.

— Поднимемся и послушаем немного, — предложил Сюй Чжифань.

Ребята согласно кивнули. Когда они поднялись на свой этаж, то обнаружили, что у дверей класса столпилось полно их одноклассников. Обычно во время собрания все прятались, а лучше бы вообще была возможность не возвращаться домой всю ночь и не сталкиваться с родителями. На этот раз у дверей собралась почти вся группа, как и на лестнице, в том числе пришли поглазеть и учащиеся других групп.

— Ваша группа опять соригинальничала, — сказал кто-то из учащихся.

— Завидуешь? — бросил Цзян Лэй в сторону, не найдя спросившего, пока протискивался наверх.

— Если попадутся родители, которые не поймут этого и подадут жалобу, у вашего Лао-Юаня будут проблемы.

— Поосторожнее со словами, — вступился Сюй Чуань. — На кого ты тут каркаешь?

— Быстро сплюнь! — Вэй Чаожэнь со злобой посмотрел на учащихся поблизости. — Кто это только что сказал, сплюнь, бляха!

— Тьфу-тьфу-тьфу, — симитировал сплёвывание парень из 2-й группы гуманитариев. — Доволен? Вот же суеверные.

— Если это про кого-то левого, то пофиг, но если говоришь про Лао-Юаня, всегда тьфу-тьфу-тьфу! — ответил Вэй Чаожэнь.

Группа из семи ребят приблизилась к дверям, которые были широко распахнуты. В классе собралось полно родителей, а в конце класса завуч, как обычно, поставил свой стул рядом с несколькими учителями, и сел на него, чтобы послушать. Хотя у него на лице всегда держалось каменное выражение, пугающее всех, кто на него посмотрит, каждый раз, когда Лао-Юань реализовал свои «затеи», он соглашался прийти на мероприятие, чтобы присоединиться к веселью... Нет, точнее, понаблюдать. Лао-Юань не стоял у доски, а ходил по классу и раздавал письма родителям. У Сяочэнь следовала за ним, держа коробку с письмами.

— Сегодняшнее собрание на самом деле не имеет ничего общего с учащимися, — медленно произнёс Лао-Юань, вручая письма родителям. — Как я уже подчёркивал, за исключением непредвиденных обстоятельств, присутствие родителей необходимо, поскольку это настоящее родительское собрание, настоящее общение между учителями и родителями. И процесс общения заключается не в том, чтобы обсуждать те или иные поступки ваших детей за их спиной...

— Пожалуйста, пока не открывайте, — мягко напомнила родителям У Сяочэнь.

— Что касается результата нашего сегодняшнего общения — не нужно возвращаться и захваливать своих детей. И бить и ругать их под предлогом «так учитель сказал» тоже не нужно. Цели у нашего разговора две... — Раздав все письма, Лао-Юань вернулся на учительское место, упёрся руками в стол и всмотрелся в лица растерянных родителей. — Во-первых, научиться уважать. Эти письма дети написали из доверия ко мне и вам. В них они поделились всем, что у них на душе, выразили свои радости, жалобы и обиды или даже высказали что-то радикальное. Всё это написано, потому что они доверились, а потому я надеюсь, что вы, уважаемые родители, отнесётесь к их доверию с почтением, а к самим авторам письма — с уважением. Пожалуйста, держите в секрете личность написавшего, ведь это их драгоценные и сокровенные мысли.

Родители затихли. Некоторые смотрели на запечатанное письмо в своих руках, а некоторые — на Лао-Юаня, были и те, кто погрузился в задумчивость, но ни один из родителей не открыл письмо раньше положенного.

— Во-вторых, научитесь по-настоящему понимать своих детей, — продолжил Лао-Юань. — Авторами писем в ваших руках могут оказаться те самые дети, которых вы ставите в пример, — в письме они могут быть совсем несчастны, расстроены, подавлены и не удовлетворены. А могут оказаться и дети, от которых вы попросите своих детей держаться подальше, — они могут быть забавными и интересными... Ничего непредсказуемо, и всё возможно, таковы ваши дети. Я надеюсь, что вы присоединитесь ко мне и с сегодняшнего дня и впредь постараетесь смотреть не с позиции родителя, а с точки зрения вашего ребёнка, чтобы понять его.

После недолгого молчания кто-то в классе захлопал, и последовали аплодисменты.

— Сегодня по тем или иным причинам родители троих учеников не смогли присутствовать, поэтому три письма откроем я, завуч и Сунь-лаоши. — Лао-Юань сошёл с учительского места и передал два письма завучу и Сяо-Сунь-лаоши. — Добавлю, если у кого-то из родителей возникнут сомнения по поводу содержания письма, пожалуйста, поговорите со мной наедине. В конце ученица У Сяочэнь соберёт письма обратно, после прочтения они будут сожжены. Спасибо всем за сотрудничество.

После того, как Лао-Юань объявил, что можно открывать письма, родители опустили головы и начали распечатывать конверты. В тишине был слышен только звук шелеста бумаги.

— Ёбанный рот, я, кажись, увидел своё письмо, — прошептал Цзян Лэй.

— Кому оно попало? — спросил Хо Жань.

— Я не знаю! Эта тётя выглядит очень доброй. В письме я отругал маму за то, что она выбросила мои игрушки. Уже больше десяти лет прошло, а я до сих пор вспоминаю и, думаю, буду всю оставшуюся жизнь это помнить.

Хо Жань повернулся и посмотрел на затылок своего папы. Обычно на родительские собрания ходила мама, но, узнав о формате собрания, папа настоятельно предложил свою кандидатуру. Сейчас он внимательно смотрел на письмо незнакомого учащегося в своей руке, и было видно, что оно довольно длинное, со сплошь исписанными двумя оборотами бумаги. Понаблюдав некоторое время за профилем папы, Хо Жань увидел, что он улыбается. Выражение лица папы Коу Чэня было другим, он тоже читал письмо со всей серьёзностью, но при этом хмурился. В письме было всего несколько строк, но он продолжал читать его снова и снова.

Учащиеся, столпившиеся за дверьми, тоже вели себя тихо, глядя на родителей.

Одна тётя вдруг опустилась на парту, и через некоторое время её плечи слегка задрожали.

— Это моя мама, — сказала Тан Вэй. — Интересно, что за письмо ей там попало... Видимо, от кого-то несчастного.

Затем ещё несколько матерей опустили головы и вытерли слёзы. Хо Жань смог уловить, как отцы тоже наклонили головы и быстро вытерли глаза.

Возможно, заражённые эмоциями, некоторые учащиеся снаружи тоже начали плакать. В отличие от родителей они плакали гораздо свободнее, хныча в голос, а некоторые бессовестно сморкались. Вскоре внутри и снаружи класса многие роняли слёзы.

Хо Жаню показалось это волшебным. Слова ли Лао-Юаня так подействовали, а может быть, это влияние обстановки. Родители увидели внутренние мысли тихо плачущих в коридоре детей, и это тронуло их гораздо глубже, чем многие увещевания. Может быть, после собрания более половины родителей вернутся в исходное состояние. Из оставшихся часть сохранит это в сердце на месяца, а часть усердно, в течение года, будет пытаться разобраться. В конце концов, родителей, которые всерьёз постараются изменить свой взгляд на вещи, может быть мало, но так или иначе, это родительское собрание было весьма значимым.

Хо Жань не плакал. По сравнению со многими одноклассниками, у него не было причин плакать, как и у Коу Чэня... Он повернул голову и сразу увидел его покрасневшие глаза.

— Чэнь-Чэнь? — Он вдруг вспомнил слова из письма Коу Чэня, и у него защипало в носу. Протянув руку, он легонько похлопал Коу Чэня по спине.

— Что за телячьи нежности, Жань-Жань? — говоря в нос, очень тихо спросил Коу Чэнь, но сияющие слёзы в его глазах быстро исчезли. Всё-таки ему нужно было поддерживать образ крутого, непобедимого красавчика.

Всемером ребята ушли в столовую, не дожидаясь окончания родительского собрания.

— Ужасающее зрелище, — воскликнул Цзян Лэй. — Моя мама не взяла с собой бумажных салфеток, хорошо, что чья-то мама дала ей салфетку, а то ей даже высморкаться некуда было б.

Сюй Чуань рассмеялся:

— И что ты хочешь этим сказать?

— Я думаю, он про то, что после этого экзамена нас не поколотят из-за наших оценок, и у нас будет хороший Новый год, — сказал Вэй Чаожэнь.

— Резонно. — Сюй Чуань похлопал его по плечу. — Хорошо хоть семестровый пересдавать не надо. А то интересно, останется ли твой папа в этом душевном настроении от писем, если ты принесёшь результаты с пересдачи, и как ты выкрутишься с кучей плохих баллов.

— Если мой папа будет в добром расположении, я сдам, даже если придётся поглотить Сюй Чжифаня. — Вэй Чаожэнь махнул рукой.

Сюй Чжифань с укором взглянул на него:

— Только попробуй.

— Дорогой наш книжный воротила*, — Вэй Чаожэнь обнял его за плечи, — на этих экзаменах ты не был, каковы ощущения?

— Незабываемые, — просиял Сюй Чжифань.

*В дальнейшем Сюй Чжифаня иногда будут так называть (Чжифань-баба), прибавляя к его имени ласковое 伯伯 (bàbà), описывающее человека, который превосходно себя проявил в определённой области. Это прозвище подчёркивает «доминирование» человека, и говорящий таким обращением выражает ему признательность и одобрение. Также есть термин 学霸 — прилежный ученик, отличник (学 — «учиться», а 霸 — «узурпатор»)

Он ещё мог радоваться, но ребята болели за него душой. Дома проблемы, пришлось пропустить экзамены, и ни мама, ни папа не пришли на родительское собрание...

— Я попросил сестру купить билеты. Дайте мне свои удостоверения на время, она на всех купит, — сказал Коу Чэнь, пока шёл, повиснув на Хо Жане, и листал что-то в телефоне.

— Ты рассказал родителям? — спросил Сюй Чжифань.

— Сказал. Ну, что в поездку с вами намыливаюсь. И что не знаю, вернусь или не вернусь к Весеннему празднику*, поэтому пусть не ждут к новогоднему столу. Разочаровал их тем, что не дам им возможности поучить меня жизни во время новогоднего сборища.

*春节 (Чуньцзе) — То есть Лунный Новый год, Весенний фестиваль, его празднуют 15 дней. Поскольку Новый год по григорианскому календарю позади, в некоторых случаях будет употребляться как просто «Новый год», без приписки «Лунный», поскольку традиционно в Китае этот праздник и считается новым годом

Парни засмеялись.

— Да должны вернуться к кануну, — предположил Хо Жань. — До него ещё больше полумесяца, тем более, мы же не в настоящей поездке будем. Если хорошенько поищем, по любому узнаем что-нибудь.

— Ли Лин написала мне сегодня утром, я думал рассказать вам позже, — сказал Сюй Чжифань.

— Выяснили что-нибудь? — спросил Коу Чэнь.

— Тётя Ху в очень плохом состоянии и мало что говорила, но пирамидная шайка не из тех, кто ограничивает личную свободу. Они занимаются промывкой мозгов.

— Пиздец. А что насчёт твоей мамы?

— Они с тётей Ху были разделены. Тётя Ху вернулась, потому что человека, который её вовлёк, насильно увезла его семья. Она вернулась, потому что не было денег, хотела выпросить их у дяди Ли, чтобы продолжить. Семья не отпускала её никуда, поэтому она выпила таблетки.

Ребята погрузились в молчание.

— Так выходит, твоей маме тоже могли промыть мозги?

— Возможно. Хорошо то, что в этом случае больше шансов найти её, потому что её не держат взаперти, и она может относительно свободно передвигаться. Но плохо то, что... если она не вернётся...

— Поймаем её и вернём, — прервал его Коу Чэнь. — Найдём, позвоним в полицию, поймаем её и вернём. Она не сказала, кто кого туда повёз? Мне просто интересно, блять, кто кого вовлёт!

— Кто-то, с кем тётя Ху училась, этот человек ещё там.

— Ёб твою мать! С-сука! — выругался Коу Чэнь и, развернувшись, направился к школьным воротам. — Я захуярю этого гондона Ли!

— Коу Чэнь! Коу Чэнь! — Хо Жань схватил его за плечо. — Помнишь о приоритетах? Мы сейчас о чём говорим? О поиске мамы Чжифаня. Давай исходить из приоритетов?

— Можно сначала прибить его, а потом отправляться в путь! Сначала я его хорошенько отхуярю и в больницу отправлю, с матерью своей полежит там, а потом найду остальных!

Сюй Чуань тоже начал оттаскивать его:

— Тебя ж в обезьяннике запрут.

— В виде колбасок, — добавил Сюй Чжифань.

Ребята устроились в столовой и обсуждали поездку, открыв карту на своих телефонах. Коу Сяо помогла им забронировать билеты на послезавтра.

Коу Чэнь крутил в руках телефон, о чём-то размышляя.

— Чего ты? — Хо Жань пихнул его локтем.

— Папа любит вспоминать былые дни и ностальгирует по времени, проведённому со своими одноклассниками и однокурсниками, — тихо ответил Коу Чэнь.

— ...Старееет, поди?

— Я всегда думал, не стареет ли Коу-Лао-эр? А теперь кажется, что нет. Вот скажи, не будь мы школьниками и не действовали бы так импульсивно, мы бы пошли на такое? Чтоб всей компахой рвануть на поиски человека.

Хо Жань задумался и ответил:

— Не знаю, зависит от дружбы.

— Было бы сложно собраться, если не сказать больше, особенно если все будут заняты работой

и семьёй. Реально сложно.

— Ну да.

— Вот я и подумал, что если мы проведём зимние каникулы так, — Коу Чэнь положил руку на его ногу и принялся растирать, — я запомню это на всю жизнь. Сколько бы лет ни прошло, какой бы опыт я ни пережил, я никогда этого не забуду. Я точно буду ещё долго вспоминать и рассказывать, мол, во-о-от лаоцзы когда учился в старшей школе, такую обалденную авантюру провернул с одним милым-премилым и красивым мальчиком.

Хо Жань ничего не говорил, не отрывая от него взгляда. Вскоре он поднял руку, похлопал его по лицу и кивнул:

— Согласен, я, наверное, тоже.

— Вы со стороны себя видели? — Цзян Лэй посмотрел на них с возмущением. — Мы здесь, вообще-то, о важном деле говорим.

<http://bllate.org/book/14311/1267020>